

ЧЕТЫРЕ РАЗА НАД БЕРЛИНОМ

А немцы все ближе придвигаются к Москве с упорством саранчи, которую бьют, жгут, давят, а она все же лезет. Железная саранча! Немецкие генералы сообщают домой, что видят в свои цейсовские бинокли волшебный город, затянутый морозной дымкой.

Фашистские бомбардировщики появляются уже днем. Над площадью Дзержинского я видел парочку «Мессершмиттов» и наблюдал воздушный бой между истребителями в районе Белорусского вокзала. Желая посеять панику, фашистская авиация швыряет бомбы куда попало. Жертвами фашистских бомбардировок являются мирные жители. Фронт находится очень близко к Москве. Все чаще можно видеть в трамвае свежее-перевязанных раненых, только что из боя.

Берлин торжествует. Фашистское радио передает победные сводки: «Москва накануне падения». В Берлине даже перестали соблюдать светомаскировку; ведь по заявлению Гейринга — советская авиация уничтожена.

И вдруг на Берлин сыплются двухтонные, хорошо отрезвляющие бомбы, привезенные из Москвы.

Мне удалось повидать людей, которые подготовили и осуществили несколько налетов на фашистскую столицу. Побил рекорд майор Василий Иванович Щелкунов. Он четыре раза с полной нагрузкой побывал над Берлином.

Вот его машина: обычный дальний бомбардировщик, серийная машина.

Люди, готовившие ее в эти дальние рейсы, и сейчас готовят машину для удара по переднему краю противника. Приборист Ефим Алексеевич Барабанов, старший техник по вооружению Иван Михайлович Оловянный. А вот подходит и сам хозяин самолета Василий Иванович Щелкунов со штурманом Василием Ивановичем Малыгиным.

Эти смелые, уверенные в себе люди — земляки, оба вологодские крестьяне. С юности немало походили за сохой и за стадом и до сих пор сохранили степенную походку землепашцев.

— Что ж рассказать о полетах на Берлин? Обыкновенные ночные полеты на дальность. Потребуется, опять слетаем. Вот на этой же самой машине. «Старик» еще хоть куда!

Летчики улыбаются, поглядывая на свой косяк, как на старого друга.

— Для налета на фашистскую столицу мы выбрали именно самые обычные машины, — рассказал Щелкунов. — Немцы сочинили сказку, будто мы не бомбим Берлин только потому, что не можем долететь. Решили разочаровать берлинцев...

После зверских налетов на наши мирные города каждый летчик только и мечтал, как бы отомстить фашистским извергам, сбросить советские бомбы на Берлин, являющийся к тому же крупнейшим военным объектом.

Приказ командования был встречен с восторгом. Никогда в жизни так не старался Иван Михайлович Оловянный, приготавливая фашистам увесистые гостинцы.

Не отставал от него и Барабанов, готовя приборы.

И вот самолет Щелкунова оторвался от земли и исчез в синей дымке позднего вечера.

Синоптики не обещали хорошей погоды. Ее и не дожидались. Летели в обычную осеннюю ночь, наполненную ветром и быстро бегущими облаками.

Полет проходил в молчании. Летчик и штурман внимательно следили за приборами.

— Подходим к Берлину,— спокойно доложил штурман.

Серые облака кое-где стали окрашиваться в багровый цвет. Зенитная артиллерия открыла заградительный огонь. Звукоулавливатели, очевидно, обнаружили приближение наших самолетов. Однако немцы не думали, что налет серьезен, и не объявили тревоги. В просвете между облаками летчики увидели незатемненный Берлин.

Приглушив моторы, сделали круг над огромным городом, выбирая заданный военный объект. Внизу постепенно гасли огни.

После тщательного прицеливания штурман опустил бомбовый залп на крупный военный завод. Машина резко прыгнула вверх. В разных концах города стрелки-радисты заметили вспышки разрывов. Это остальные наши самолеты дошли до цели и почти одновременно сбросили бомбы. Немецкие зенитчики открыли усиленный огонь, но самолет быстро набрал высоту и взял курс на свой аэродром.

Дальнейший путь прошел без приключений. Усталость несколько больше обычной и радостное сознание выполненного долга,— вот все,

что чувствовали экипажи, вылезая из самолетов.

При втором налете немцы вели себя гораздо нервозней. Очевидно, первый налет причинил фашистскому Берлину и его господам большие огорчения. Тяжелые зенитки начали стрелять далеко от города.

Летчикам пришлось преодолеть несколько линий заградительного огня в промышленных районах. Три кольца зенитных батарей стреляли непрерывно. В этих огневых кругах и находился Берлин. Город был совершенно темен.

— Больше стреляйте — легче найдем,— усмехнулся Щелкунов.

С разных концов прорвались к Берлину наши самолеты и начали бомбить. Вот лучи нескольких прожекторов скрестились у самолета Щелкунова. В каждое стекло кабины льется нестерпимый голубой свет. В каждую щель пробивается острый, колющий лучик. Что и говорить, это очень раздражает. Здесь требуется выдержка.

Прищулив глаза от резкого света, летчик твердой рукой вывел самолет на обратный курс.

Сбросив порцию крупных бомб, все наши самолеты вернулись на свой аэродром.

И в третий раз пошел экипаж по тому же маршруту. Ночь выдалась на редкость темная. Многослойные облака плотно закрывали небо и землю. После старта Щелкунов сразу стал набирать высоту. Добрался до семи тысяч метров. И здесь были облака. Итти пришлось несколько часов только по приборам.

На цель вышли, не видя земли.

— По моим расчетам Берлин под нами, — доложил штурман.

Летчику показалось странным, что прожектора и зенитки не действуют. Может быть, ошиблись курсом?

— Проверьте еще раз, Василий Иванович, — сказал он, делая круг с приглушенными моторами.

Штурман проверил и уверенно доложил:

— Под нами, товарищ командир. Притаились, гады!

— А ну, попробуйте, сбросьте одну.

Малыгин отпустил крупную бомбу. Взрыв был такой, что свет пронизал толщу облаков. Внизу абсолютное молчание.

— А ну, еще одну! — сказал летчик.

Полетела вторая. И тут немцы не выдержали. Зенитки начали бешено стрелять.

— Ага, наступили на любимую мозоль, — улыбнулся Щелкунов.

Не успел штурман сбросить остальные, как рядом, как-то ориентируясь по разрывам пробных бомб, грохнул целый залп. Затем стрелок-радист увидел силуэт незнакомого самолета.

— Англичане, — догадался штурман.

Полетела ракета. Англичанин ответил. Обменявшись молчаливыми приветствиями, оба корабля направились в разные стороны. Один в Англию, другой — в СССР.

Так состоялась первая встреча Щелкунова с англичанами.

При четвертом налете немцы стреляли как-то вяло и беспорядочно, но зато угостили новинкой. Появился ночной истребитель с прожекторной фарой.

Отыскивая бомбардировщиков, он носился в облаках, как одноглазый циклоп. Перед собой он гнал узкий сноп света. На слабонервного летчика это, конечно, могло бы подействовать, но Василий Иванович — старый охотник. Умелым маневром он избегал встреч с этим волком, повесившим на свою морду фонарь.

Когда вернулись на свой аэродром, радист прослушал очередное берлинское радио и доложил:

— Немцы заявили, что мы применили особые, невидимые и бесшумные самолеты. «Дьявольское изобретение большевистской техники»... Вот вы до чего их довели, Василий Иванович!

Летчик от души расхохотался.

ВТОРЫЕ ВСТРЕЧИ

После того, как я побывал у охотников за танками, я выступил с рассказом о них по радио. После моего выступления ко мне зашел Александр Липилин — тот самый истребитель, о котором я написал очерк «Рыцарь дружбы». Он сбил в воздушных боях пять фашистских истребителей и четыре бомбардировщика.

Месяц назад мне передали, что он погиб. Рассказ о его смерти был прост. Летели строем. Ударил по ним залпом вражеские зенитки. От прямого попадания самолет Липилина воспламенился. На Чулкова, шедшего сзади, посыпались мелкие обломки и пахло гарью. Чулков занял место погибшего самолета, и полет на задание продолжался.

Никаких сомнений в гибели Липилина не было.